

Ирина КАБАНОВА

МЕСТО МОРИСА ХИНДУСА В АМЕРИКАНСКИХ РЕПОРТАЖАХ ИЗ СОВЕТСКОЙ РОССИИ 1920–1930-Х ГГ.

Аннотация: М. Хиндус (1891–1969) — выходец из черты оседлости на территории нынешней Белоруссии, с 14 лет в США, в Колгейте и Гарварде получил степени по русской литературе и истории русского крестьянства. С начала 1920-х гг. часто бывал в России/СССР в качестве корреспондента разных изданий, использовал знание языка для контактов с простыми людьми. Автор 17 книг о России и романа («Under Moscow Skies», 1936). Устанавливается своеобразие его позиции на фоне основного потока англоязычной литературы о Советской России: в целом сочувственно относясь к советскому эксперименту, Хиндус честно писал о том, что другие корреспонденты в тот период игнорировали. Его темы — голод и раскулачивание во время коллективизации, нравственная атмосфера, насаждаемая большевиками, тяготы советского быта. Хиндус проницательно ставил будущее СССР в зависимость от успешности решения аграрного вопроса.

Ключевые слова: Морис Хиндус, американские корреспонденты в сталинской Москве, аграрный вопрос, пятилетка, коллективизация, великий перелом, новый человек, социальный эксперимент, этика большевизма.

© 2017 Ирина Валерьевна Кабанова (доктор филол. наук, профессор; Саратовский национальный государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Россия) ivk77@hotmail.com

Irina KABANOVA

MAURICE HINDUS AND AMERICAN REPORTING FROM THE SOVIET RUSSIA IN THE 1920–30s

Abstract: M. Hindus (1891–1969) was born within the Pale of Settlement in Imperial Russia, at fourteen emigrated to the US, got degrees in Russian literature and History of Russian peasantry from Colgate and Harvard. In the 1920s he started revisiting Russia as freelancer, with the advantage of having no language barrier in contacting ordinary Russians. Hindus published 17 books about Russia and a novel («Under Moscow Skies», 1936). The paper reveals his approach to Soviet Russia in the context of the mainstream pro-Soviet American reporting during the 1920–30s. On the whole sympathetic, Hindus honestly covered the facts the others chose to ignore: he wrote about the famine and *koolak*'s tragedy during collectivization, about the questionable aspects of the Bolshevik morality, about the shortages in everyday life. He rightly foresaw that the long-term outcome of the Russian Revolution depended on its ability to cope with agrarian problem.

Key words: Maurice Hindus, American correspondents in Stalin's Moscow, agrarian question, five-year plan, collectivization, the great offensive, new man, social experiment, Bolshevik ethics.

© 2017 Irina V. Kabanova (Doctor Hab. in Philology, Professor; N.G. Chernyshevsky Saratov National State University, Russia) ivk77@hotmail.com

Аннотированный библиографический указатель литературы о России, изданной по-английски с 1917 по 1942 г.¹, содержит несколько тысяч наименований: это документы съездов и пленумов ВКПб, статистические отчеты, советские пропагандистские издания, аналитические книги экономистов и специалистов в разных областях промышленности и экономики, отчеты о поездках официальных делегаций (профсоюзов, молодежи), путевая проза, сборники очерков специальных корреспондентов западных изданий, переводы современной русской прозы и драматургии. У англоязычного читателя была масса возможностей удовлетворить свой интерес к России, познакомиться с самым широким спектром мнений и оценок советского эксперимента. Книги американских авторов в этом указателе не выделены специально, но сегодня поставлен вопрос о роли американской журналистики и публицистики в формировании представлений об СССР и — обратная сторона этого вопроса — о миссии США на мировой арене². Из группы корреспондентов, освещавших события в России после 1917 г., у нас обычно вспоминают Джона Рида и Луизу Брайант, Альберта Риса Вильямса как наиболее симпатизировавших революции. Однако большинство американцев, приезжавших в 1920-е гг. Москву с намерением наблюдать осуществление утопии, годы жизни в Советской России превращали в антикоммунистов. Промежуточную позицию между первыми и вторыми занимает Морис Хиндус уже хотя бы потому, что среди всех них только он и Юджин Лайонс владели русским языком.

Морис Хиндус (1891-1969) родился в деревне Большое Быково под Слуцком, в черте оседлости, в еврейской семье. В мемуарах «Путешественник по двум мирам» (*A Traveler In Two Worlds*, 1971) он описывает в светлых тонах свое крестьянское детство, интерес к учению. Лично мальчик не сталкивался с проявлениями антисемитизма, но на волне страха перед погромами его семья в 1905 г. эмигрировала вслед за старшими детьми в США. Тяготы переезда через Атлантику, скученность и грязь гетто манхэттенского Ист-Сайда, изобилие еды после России (он вспоминает, каким чудом ему казалась белый хлеб, мясо и сахар в чае), трудности адаптации вызвали в нем тоску по родным лесам и просторам и в конечном счете болезнь, от которой он излечился, поступив в

¹ Grierson, Philip. *Books on the Soviet Russia, 1917–1942: A Bibliography and Guide to Reading*. Twickenham, UK: Methuen, 1943.

² Engerman, D.C. *Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003; Libbey, James K. *Alexander Gumberg and Soviet-American Relations: 1917–1933*. Lexington, KY: University of Kentucky Press, 1977.

семнадцать лет рабочим на ферму в штате Нью-Йорк. Он на всю жизнь вынес отсюда убежденность в необходимости связи человека с землей, с природой, в особом смысле работы на земле. Хиндус был благодарен Америке за полученное университетское образование (Колгейт, степень доктора в Гарварде; область специализации — русская литература и история русского крестьянства), за возможность карьеры лектора и писателя, признанного эксперта по России, по которой он в зрелые годы не испытывал ностальгии, ощущая себя американцем. Часто бывая в России и путешествуя по Украине, Сибири в качестве фрилансера для разных американских изданий, он и в России чувствовал себя дома. Знание языка помогало ему избегать излишне пристального внешнего контроля, который обычно сопровождал иностранцев. Хиндус мог отправиться в пешее путешествие по Подмоскovie, по областям Центральной России, свободно общаясь с народом, так что его книги отличает более глубокое, а главное, более сочувственное отношение к России, чем у большинства западных авторов. Хиндус смотрел на Россию через призму своих научных интересов: революцию 1917 г. он понимал как следствие нерешенности аграрной проблемы в царской России, приветствовал коллективизацию как меру по переходу России к промышленному сельскому хозяйству и в целом восхищался энергией и размахом планов первой пятилетки. С другой стороны, он упрекал руководство Советского Союза в волюнтаризме, незнании Запада и ошибочности представлений, на основе которых формировалась советская политика, высказывал сочувствие раскулаченным и лишенцам, и даже описывал голод в Поволжье и на Украине.

Это был чрезвычайно щекотливый для Советской власти вопрос. Когда Гэрет Джонс³ в марте 1933 г. первым на Западе сообщил о голодоморе, на него обрушились известнейшие журналисты, уже долгие годы жившие в России, — просталински настроенные спецкор «Нью-Йорк Таймс» Уолтер Дюранти⁴, Луис Фи-

³ Гэрет Джонс (1905–1935) — выпускник Кембриджа, советник по международной политике Ллойд Джорджа и корреспондент «Вестерн мейл» (Кардифф); его мать в 1890-х гг. была гувернанткой в семье Хьюзов, основателей Юзовки (Донецка), где он впервые побывал в 1930 г. Вернувшись после очередной поездки на Украину, 29 марта 1933 г. опубликовал в Берлине заявление, перепечатанное несколькими крупными газетами, в котором впервые предъявил Западу свидетельства о голодоморе. Последовал запрет на въезд в СССР; Джонс был застрелен в Манчжурии при невыясненных обстоятельствах.

⁴ Уолтер Дюранти (1884–1957) — в свое время самый авторитетный из американских корреспондентов в Москве, жил в России с 1922 по 1934 г., в

шер⁵ из «Nation», и даже антисталинист Юджин Лайонс⁶ из агентства «United Press». Они готовы были допустить «недоедание» (undernourishment), но не голод (famine), что стало бы ударом для процесса восстановления дипломатических отношений между СССР и США, которое последовало в ноябре 1933 г. Поэтому для описания голода со слов полтавских и волжских крестьян требовалось мужество, Хиндус рисковал больше никогда не получить визу в Россию. Окончательно в список невъездных он попал уже после 1945 г. Но и в книгах рубежа 20–30-х гг. его подход к России сильно отличается от подхода прочих американских журналистов, что ощутимо уже по метафорике заглавий: прочие видели в России «Красную экономику» (Уолтер Дюранти, *Red Economics*, 1932), «Русский железный век» (Уильям Чемберлин, *Russia's Iron Age*, 1934), или «Московскую карусель» (Ю. Лайонс, *Moscow Carrousel*, 1935). Хиндус же идет от глубоко прочувствованного убеждения, что труд крестьянина и фермера — основа нормальной системы жизненных ценностей, он полагает, что будущее революции зависит от решения аграрной проблемы. Заглавия его книг — либо прямое обозначение крестьянской проблематики: «Русский крестьянин и революция» (*The Russian Peasant and*

1929 интервьюировал Сталина. В 1932 г. удостоен Пулитцеровской премии за серию репортажей 1931 г., где проводил мысль об азиатском характере русских и уничтожение Сталиным кулачества сравнивал с победами Тамерлана. Прекрасно осведомленный о реальном положении вещей, в 1933 г. писал: «Любые сообщения о голоде в России сегодня — преувеличения либо злостная пропаганда».

⁵ Луис Фишер (1896–1970) — в Москве с 1922 по 1934 г., в корреспонденциях следовал основным тезисам советской пропаганды. Разочарование в коммунизме началось у него во время Гражданской войны в Испании; в 1945 г. ушел из «Nation» в знак несогласия с апологетикой Сталина в журнале. Автор резко критических биографий Сталина (1952) и Ленина (1964), преподавал в Принстоне историю коммунизма.

⁶ Юджин Лайонс (1898–1985) — в молодости тесно связанный с подпольной Компартией США, в 1924–1927 гг. работал корреспондентом ТАСС в Америке, в 1928–1934 — московским корреспондентом информагентства Юнайтед Пресс. Освещал шахтинский процесс, в 1930 был вызван в Кремль для интервью со Сталиным. Опыт жизни в СССР превратил его в убежденного антикоммуниста и критика Советской России. Документально-автобиографическая книга «Задание в утопии» (*Assignment in Utopia*, 1937), свидетельство «политического пилигрима», феномена, который позже опишет П. Холландер (*Холландер П. Политические пилигримы: путешествия западных интеллектуалов по Советскому Союзу, Китаю и Кубе. 1928–1978.* СПб., 2001) прямо повлияла на Оруэлла. У Лайонса одна из глав называется «2×2=5» (советская формула «пятилетку в четыре года»); Оруэлл в романе «1984» делает эту формулу символом тоталитаризма.

the Revolution, 1920), либо органические метафоры: «Вспаханная земля» (*Broken Earth*, 1926), «Выкорчеванное человечество» (*Humanity Uprooted*, 1929).

В 1931 г. вышла в свет самая востребованная из его книг, «Красный хлеб» (*Red Bread*) — свидетельство о том, как проходила коллективизация в 1929–1930 гг. в его родных местах. Отдельные наблюдения и размышления отсюда почти дословно вошли в следующую книгу Хиндуса, «Великий перелом» (*The Great Offensive*, 1933), которая вышла одновременно в Нью-Йорке и в лондонском социалистическом издательстве Виктора Голланца⁷. Рецензии в социалистической англоязычной прессе по обе стороны океана отдавали должное авторскому знанию России, но предупреждали читателя, что автор недостаточно проникнут энтузиазмом по отношению к СССР, что в книге очевидна его неспособность отрешиться от ценностей индивидуализма⁸.

Хиндус выносит в заглавие английский перевод сталинского обозначения начала первой пятилетки потому, что книга представляет собой обзор достижений и проблем первой пятилетки, созданный в самом начале пятилетки второй. В отличие от предыдущих его книг, проблемы села и сельского хозяйства по крайней мере композиционно не стоят в центре. Это книга более амбициозная, предлагающая всесторонний очерк состояния дел в России 1929–1933 гг. Автор старается передать англоязычному читателю живое ощущение пребывания в стране большевиков. В жанровом отношении книга представляет собой смесь репортажа (например, отчет о поездке в Полтавскую область, где автор и его американский спутник общаются с крестьянами, пережившими голод) и путевой прозы (описание поездки по Транссибу), статистики (приводятся таблицы залежей полезных ископаемых в СССР, роста промышленного производства, карты новостроек пятилетки) и социологии (очерки о советской семье и браке, о положении верующих и т.д.). Авторскую позицию отличает идеологическая двойственность: с одной стороны, Хиндус не устает говорить о правоте и величии революции, о том, что советский человек уже преобразовался в новое существо, якобы утратив в одночасье врожденный инстинкт собственника: «За 16 лет революция так «перепла-

⁷ Hindus, Maurice. *The Great Offensive*. N.Y.: Harrison Smith, 1933; L.: Victor Gollanz, 1933.

⁸ См., напр.: Hoover, Calver B. "Russia Fights for Peace. Rev. of: Maurice Hindus. 'The Great Offensive.'" *The Saturday Review* (Nov. 4, 1933): 229; Kunitz, Joshua. "All-Russian Symphony." *The New Republic* (Dec. 13, 1933): 146; Dennen, Leon. "The Human Consequences of the Five-Year Plan." *The Nation* (Dec. 27, 1933): 741.

вила», пересоздала русского, что он стал новым явлением на планете, личностью с новыми целями, мнениями и реакциями. Этот социальный триумф и есть основа интереса к революции, к ее Великому перелому; он доказывает, что даже в наш продвинутый машинный век человеческая личность легче поддается перестройке, чем экономический строй» (viii). С другой стороны, ставя вопрос о цене достижений революции, сочувственно показывая трагедию русского крестьянства, «бывших» и их детей, он объективно подрывает собственную риторику. Контраст черт прошлого и будущего, высоких целей и насильственных методов их достижения делают Советскую Россию «самым драматичным на сегодня спектаклем на планете» (ix), и задача книги — «как можно более полно запечатлеть природу и смысл Великого Наступления в борьбе за новый мир» (ix).

Уже Введение, описывающую Москву, задает манеру изложения, прослеживающуюся на протяжении всей книги. Сначала Хиндус как будто повторяет лозунги советской пропаганды, отмечая позитивные изменения на улицах столицы. На них стоит грохот работающих машин и механизмов, идет перепланировка города, расширяются улицы, воздвигаются новые дома, открываются магазины с витринами, полными товаров. Разрешен ранее запрещенный фокстрот; театры, опера и балет переполнены, а чтобы попасть в кино, надо выстоять часовую очередь; публика валом валит на литературные вечера. На каждом углу в центре — книжные магазины, где наиболее ясно ощущается дух времени; книга — «вот живой голос революции» (19), русские уже тогда — самая читающая нация в мире. Москвичи спешат на реку, в парки, где занимаются спортом и подставляют тела, не носящие следов недоедания, солнцу; в распоряжении иностранцев по первому требованию появляются автомобили. Атлетически сложенные комсомольцы говорят, что вскоре их родина станет новой Грецией, поскольку ее граждане достигнут неслыханного с античных времен совершенства, гармонии духа и тела.

Но за победным позитивом сразу следует негатив: стоит свернуть за угол с центральных улиц, как взгляд упирается в огромные очереди людей, отоваривающих талоны на хлеб, а в очередях разыгрываются тяжелые сцены; общественный транспорт после исчезновения милых сердцу автора извозчиков не справляется с потоком пассажиров; Москва — город тотального дефицита, который невозможно представить читателю Хиндуса, а те товары, что есть, ужасного качества, и русские знакомые выпрашивают у него то сигареты, то зубную щетку. Эти живые зарисовки служат обрамлением историко-философским утвержде-

ниям о том, что ни голод, ни нарастание репрессий, ни смерть Сталина, ничто — за исключением военной интервенции — не может развернуть Россию назад, потому что новое общество и новый человек уже сложились.

«Великий перелом» Хиндуса композиционно состоит из трех частей. Первая часть, «За новый экономический порядок», состоит из глав «Машины», «Деревня», «Колхозы» и представляет собой экономико-социальную панораму СССР в годы первой пятилетки. Изображение поступи индустриализации достаточно общо, а вот советская деревня представлена во всем своем реальном многоголосии. Хиндус поправляет оценки и мнения других западных авторов, настаивает на рациональности и продуманности пятилетнего плана, на том, что его осуществление было великим благом — и показывает реальное падение уровня жизни советского человека по сравнению с периодом нэпа. Это противоречие он объясняет ошибками в ходе коллективизации на селе; и хотя он повторяет тезис о нарастании классовой борьбы в ходе революции, перегибы в его изображении вызваны не вредительством кулаков, а глупостью мелких начальников, осуществлявших коллективизацию на местах. Автор убежден в необходимости налаживания высокопроизводительного индустриального сельского хозяйства для процветания России, то есть в основе коллективизации лежит верная идея, но при ее воплощении в жизнь крестьянство ограбили, обманули, уничтожили. Говоря, что от решения аграрной проблемы зависит будущее революции, Хиндус перекликается с современными исследователями советской экономики, доказывающими, что политика коллективизации была самой большой ошибкой большевиков с долговременными последствиями, приведшими в результате к крушению СССР⁹. Со своей точки во времени Хиндус описывает проблему как пропасть между старшим поколением крестьян, выкинутым из жизни, и молодым поколением, радостно вступающим в колхозы и веселящимся в сельских клубах; решение проблемы он видит в деятельности только что созданных политотделов при МТС, которые должны возродить разорванную социальную ткань на селе. Вопрос, почему у большевиков при МТС получится то, что не удалось при создании колхозов, повисает в воздухе.

Принципиальное отличие Хиндуса от прочих американских наблюдателей в том, что в отличие от них, он не был склонен

⁹ Hunter, Holland; Szymer, Janusz M. *Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940*. Princeton, NJ: Princeton UP, 1992; Allen, Robert C. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton, NJ: Princeton UP, 2003.

объяснять революцию особенностями русского национального характера, не разделял западный стереотип об отсталости русских, об их азиатском складе, закрытости от западных влияний, вследствие чего русским и приходится платить высокую цену за модернизацию. Своеобразный поворот этой точки зрения находим у К.Г. Юнга: тысячу лет Россия спала, и вот наконец русский мужик заворчался и начал ворчать — это симптом того, что он начал думать. Неважно, по Юнгу, что направление мысли ему пока подсказывают большевики; большевики — это временное явление. Русскую революцию Юнг трактует как «расширение сознания» русского народа, в этом чудо сегодняшней России и залог ее великого будущего. Подтверждение своим рассуждениям Юнг находит как раз у Хиндуса, во «Вспаханной земле»¹⁰. Хиндус рисует в своих книгах примеры интереса русских крестьян к новой технике, преобразующей труд на земле. Он не скрывает, что народ смотрит на все эти новшества сквозь призму мифологического сознания. Автобиография Генри Форда «Моя жизнь» восемь раз издавалась в России двадцатых годов; имя Форда появлялось на кумачовых лозунгах во время демонстраций рядом с именами Ленина и Сталина; если Ленин — русский бог, то Генри Форд в России начала 1920-х гг. — его апостол Петр. Крестьянам не интересны тонкости фордизма и тейлоризма; Хиндус приводит вопросы, которые мужики задают заезжему американцу: правда ли, что Форд богаче царя? Есть ли кто в Америке умнее Форда? Он описывает свадебную процессию в волжской деревне: во главе ее — разукрашенный красными лентами фордзон, а к нему привязана телега, на которой шумят гости. Многие молодые русские точно так же стоят на границе традиционного, «азиатского», и нового европейского мира; например, в «Красном хлебе» читатель встречает оптимистичную 18-летнюю доярку и зоотехника Веру, которая отвечает за культмассовый сектор в своей деревне. Автор замечает: «Что за двойственная сила эта русская революция: одной рукой она пригибает, а другой возвышает человеческую личность»¹¹.

Та же двойственность взгляда пронизывает подход Хиндуса к изображению трансформаций в социальной жизни Советской

¹⁰ Jung, K.G. *Dream Analysis 1: Notes of the Seminar given in 1928–30*, ed. by William McGuire. L.: Routledge and Kegan Paul, 1984. Online at https://books.google.ru/books/about/Dream_Analysis_1.html?id=rgbYAQAQAQBAJ&redir_esc=y

¹¹ Hindus, Maurice. *Red Bread: Collectivization in a Russian Village*. Bloomington, ID: Indiana UP, 1988: 302.

России. Вторая часть «Великого перелома», «За нового человека», строится вокруг типично просветительской социальной проблематики: религия, семья, образование, положение женщины. В главах о религии автор показывает, как самые передовые в мире законы о свободе вероисповедания к концу 1920-х гг. фактически покончили с церковью в СССР; особое внимание он уделяет русским баптистам, а также выявляет черты сходства между функционированием религии в общественном сознании и большевизмом. Но в целом Хиндус заключает, что, несмотря на эти моменты внешнего сходства, большевизм на самом деле есть неверие (non-faith), потому что в нем нет понятия бога, идеи прощения и сочувствия, нет иной науки, кроме чисто прикладной, а предлагаемая большевиками «революционная этика» бесчеловечна. В большевизме нет красоты, достоинства, нет духовности. Следующая просветительская проблема — семья и женский вопрос. Фиксируется ослабление семейных уз под натиском классового сознания и без имен приводится история Павлика Морозова. Пятилетка восстановила авторитет школьного учителя и дисциплину в школе, утраченные в первые послереволюционные годы. В репортажных главах о проституции и тюрьмах описываются образцовый московский профилакторий для исправления проституток и такая же показательная тюрьма, не отличающаяся от профилактория. Глава «Искусство» показывает западному читателю высокий статус людей искусства. Художник, писатель, артист — самые привилегированные люди в СССР по уровню жизни, сопоставимому с уровнем жизни иностранных специалистов, и, главное отличие от положения людей искусства на Западе, — их творческий продукт никак не зависит от рынка. Столь же удивительно для западного читателя уважение, которое русские питают к военным: взятый из деревни в армию сын-красноармеец может вступить за своих родителей, и причиненная им несправедливость часто исправляется местными властями, пишет Хиндус.

Третья часть, «К новым приключениям», описывает Сибирь до и после революции и содержит программную главу 19-ю, последнюю, «Крах мировой революции», в которой автор выражает сомнения в верности идеи о возможности построения социализма в отдельно взятой стране.

Хиндусу с его уникальным комплексом знаний о России предстояло стать в дальнейшем одним из тех экспертов, которых на Западе называли «кремлинологами». Его книги об СССР 1920–1930-х гг. не затерялась среди огромного потока литературы на эту тему; отсутствие особых литературных достоинств компенсируется у него осведомленностью и сочувственной искренностью

автора, повтор отдельных общих мест советской пропаганды — критическим анализом общей картины.

Интерес Запада к России в первые два десятилетия после Октябрьской революции сопоставим с тем умозрительным интересом, который обнаруживает европейский дискурс XVIII в. к Парагваю. Интеллектуалы вдруг начинают много говорить о стране, в которой мало кто бывал, и проецировать на нее наиболее актуальную на переживаемый момент социально-культурную проблематику: просветители приписывают Парагваю природный республиканизм и конструируют парагвайца как образцового «естественного человека»; после Первой мировой войны западная интеллигенция испытывает сомнения в будущем капиталистического строя. В социальном эксперименте Советской России усматривается возможная модель собственного будущего, а в советском человеке — наглядное опровержение христианского тезиса о неизменности человеческой природы и подтверждение просветительской концепции личности как продукта социальных обстоятельств. Рационально и справедливо устроенное общество, утверждали просветители, рождает высокоморального человека, и в государстве рабочих и крестьян визитеры с Запада искали прежде всего исторически новый тип свободного человека, вырвавшегося из оков традиционной морали. Уже в 1920-е гг. начинается на Западе поток книг и брошюр, в которых, в зависимости от политических взглядов автора и степени его знакомства с реальной Россией, подчеркивается либо экономическая и моральная несостоятельность практики большевизма, либо трудности построения нового строя интерпретируются как временные, как неизбежная цена «перековки» человеческой природы. Качественный скачок в интересе к России происходит в 1929 г., что связано с разразившимся экономическим кризисом западного мира и с Великой депрессией 1930-х гг. Западная интеллигенция восприняла этот кризис как подтверждение исторической правоты Советов, как ступень в процессе обрушения капиталистического строя. С тем большим интересом она присматривалась к альтернативной модели общественного развития, представленной Советским Союзом. Один из самых вдумчивых анализов этого периода мы находим в книгах Мориса Хиндуса, которые недаром переиздаются в XXI веке.

REFERENCES

Allen, Robert C. *Farm to Factory: A Reinterpretation of the Soviet Industrial Revolution*. Princeton: Princeton UP, 2003.

Engerman, D.C. *Modernization from the Other Shore: American Intellectuals and the Romance of Russian Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003.

Dennen, Leon. "The Human Consequences of the Five-Year Plan." *The Nation* (Dec. 27, 1933).

Grierson, Philip. *Books on the Soviet Russia, 1917–1942: A Bibliography and Guide to Reading*. Twickenham, UK: Methuen, 1943.

Hindus, Maurice. *The Great Offensive*. N.Y.: Harrison Smith, 1933; L.: Victor Gollanz, 1933.

Hindus, Maurice. *Red Bread: Collectivization in a Russian Village*. Bloomington, ID: Indiana UP, 1988.

Hoover, Calver B. "Russia Fights for Peace. Rev. of: Maurice Hindus. 'The Great Offensive'." *The Saturday Review* (Nov 4, 1933).

Hunter, Holland; Szymer Janusz M. *Faulty Foundations: Soviet Economic Policies, 1928–1940*. Princeton: Princeton UP, 1992.

Jung, K.G. *Dream Analysis I: Notes of the Seminar given in 1928–30*, ed. by William McGuire. L.: Routledge and Kegan Paul, 1984. Online at https://books.google.ru/books/about/Dream_Analysis_I.html?id=rgbYAQAQBAJ&redir_esc=y

Kunitz, Joshua. "All-Russian Symphony." *The New Republic* (Dec. 13, 1933).

Libbey, James K. *Alexander Gumberg and Soviet-American Relations: 1917–1933*. Lexington, KY: University of Kentucky Press, 1977.